

ББК ТЗ(2)

РАБСЕЛЬКОРОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: НЕИЗВЕСТНАЯ ГРАНЬ

А. А. Слезин

Кафедра истории и философии, ТГТУ

Представлена членом редколлегии профессором В.И. Коноваловым

Ключевые слова и фразы: анонимка; донос; критика; псевдоним; рабселькор; стенгазета.

Аннотация: Раскрываются функции движения рабочих и сельских корреспондентов 1920-х годов как института политического контроля.

1920-е годы стали временем становления и расцвета такого феномена советской действительности, как широкое движение рабочих и сельских корреспондентов. Причем именно в эти годы особенно ярко проявился критический настрой провинциальных внештатных корреспондентов. Не без помощи рабселькоров центральному руководству нередко удавалось отделить недовольство действиями конкретных чиновников от представлений о советской власти в целом как о справедливой, народной, учитывающей мнения рядовых граждан, оперативно освобождающейся от враждебных элементов, строго наказывающей их. Только за январь 1925 – сентябрь 1927 годов государственные органы подтвердили 398 критических заметок в газете «Тамбовский крестьянин». Было снято с работы 35 руководителей советских органов, 2 секретаря волостных комитетов партии, народный судья, более 40 служащих. За растрату, бесхозяйственность, волокиту, были привлечены к ответственности 63 человека, за хулиганство и пьянство – 67 человек, за спекуляцию – 10 человек [подсчитано по: 1. Д. 2. Л. 41]. Провозглашаемая партией так называемая «свобода критики» использовалась для обличения того, что мешало власти, компрометировало ее в глазах той или другой части рабочих и крестьян. Печать была призвана показать связь власти и трудящихся, восприимчивость власти к критике снизу. На I областном совещании рабселькоров ЦЧО основной являлась секция борьбы за действенность заметок [2. Д. 18. Л. 1].

Но не вся критика приветствовалась редакциями. Нередко не находилось места на страницах газет для критических писем, если они негативно оценивали политику властей. Между тем, фонд редакции газеты «Тамбовский крестьянин» в Государственном архиве Тамбовской области показывает, что подобных писем поступало в редакцию от 17 до 43% в месяц [подсчитано по: 1. Д. 48 - 64]. Иногда здесь были самые нелицеприятные оценки властей: «Член уездного исполкома хуже бывшего жандарма» [1. Д. 1. Л. 488].

Через свои письма крестьяне пытались побудить власти скорректировать свою политику. Так, С. Астахов в стихотворной форме пытался призвать власти проводить более осторожную сельскохозяйственную политику, не насаждать сверху, что сажать и как [1. Д. 1. Л. 291].

Существовала невидимая грань, перейдя через которую рабселькор попадал из критика в «злопыхателя», а иногда и классового врага. Это осознавали и сами рабселькоры. На I съезде рабселькоров Липецкого уезда в октябре 1925 года докладчику по-

ступила анонимная записка в стихах. Суть выражена в первых строчках: “Быть рабком хорошо, но дрожу за шкуру” [1. Д. 38. Л. 9].

Непривыкшие к лицемерию внештатные корреспонденты не могли понять, почему их заметки публикуются выборочно, а на многие из опубликованных власти не реагируют. В Осиновых Гаях, Иноковке и многих других селах Кирсановского уезда молодые селькоры жаловались: “Сколько бы не писали в стенгазету, ни одно учреждение и организация не отвечали на помещенные заметки, тем самым отбивают охоту писать в газету” [3. Д. 1475. Л. 8]. В том же уезде были зафиксированы случаи, когда члены редколлегий – коммунисты и комсомольцы – не пропускали в стенгазету заметки о недостатках, написанные о них самих, считая их бузотерством. Во Второй Гавриловке исключили из состава редколлегии беспартийного члена за настойчивое требование писать о недостатках комсомольцев [3. Д. 1475. Л. 8].

Рабселькоры осознали, что рассказать о плохой работе, чтобы делом заинтересовались государственные органы, недостаточно, необходима политическая подоплека, в крайнем случае – ссылка на непролетарское происхождение виновных. Поэтому не просто обвиняли избача (“работы не ведет”), а добавляли: сын кулака [1. Д. 62. Л. 33]. Видели криминал не столько в том, что комсомольцы праздновали Первомай так, что напились и стали развратничать у всех на глазах, сколько в одновременном праздновании ими Пасхи (произносили “Христос воскрес”) [1. Д. 62. Л. 65, 100].

Как рассказывал липецкий рабкор Найденов в 1927 году, “теперь наш кружок ничего не пишет о мелочах, а что покрупнее посылаем куда следует” [1. Д. 38. Л. 11 об.]. Рабселькоры с удовлетворением воспринимали сообщения о проведении по их “сигналам” обысков и арестов, а в случаях неприятия радикальных мер искренне возмущались беспечностью властей.

Фактически письма в газеты превращались в официальные обращения в компетентные органы. Прокуратуре предписывалось всегда проверять рабселькорские заметки в тех случаях, когда в них говорилось о ненормальностях или проступках. Липецкий уездный съезд рабселькоров официально обратился к местной прокуратуре с просьбой использовать и заметки, помещенные в стенгазетах, отвечать в тех же газетах на опубликованное. Обращалось внимание на необходимость организации показательных процессов по делам, открытым по заметкам рабселькоров [1. Д. 38. Л. 17].

По-человечески понятно стремление рабселькоров “напрячь все внимание на искоренение всех видов преступлений уголовного характера”, “бороться со всем отвратительным, что мешает нашему социалистическому строительству” [1. Д. 38. Л. 17, 19.], но объективно их деятельность способствовала укоренению в общественном сознании таких негативных черт, как объяснение любой неудачи обязательным наличием врагов, отрицание интересов конкретной личности, оправданность предательства ради высших интересов социалистического строительства.

На местах весьма неоднозначно оценивались критические выступления рабселькоров, особенно если они выступали под псевдонимами. Показателен случай в Первой Гавриловке Кирсановского уезда, где местные комсомольцы, увидев, что об их проступке рассказал через газету какой-то анонимный автор, восприняли это как публичный донос и повесили рядом с газетой опровержение. В нем они заметили: “Если мы друг про друга будем писать в газету, то у нас никогда не будет связи между комсомольцами”. Однако дело этим не закончилось. Вскоре про такую нестандартную форму борьбы за справедливость рассказала одна из губернских газет под заголовком “Плохие комсомольцы”. Автор снова скрывался под псевдонимом [1. Д. 6. Л. 11].

Тайна псевдонима строго охранялась. Предписывалось открытые заседания редколлегий проводить лишь при условии полного обеспечения тайны псевдонима [1. Д. 2. Л. 290]. Во многих редакциях были созданы специальные “бюро расследований”. Заведующий бюро расследований “Крестьянской газеты” считал долгом предупредить своих внештатных сотрудников в Центральном Черноземье: “Все лица, виновные в разглашении писем корреспондентов, будут привлечены к уголовной ответственности”.

сти” [4. Д. 34. Л. 33]. Облесполком ЦЧО в постановлении о порядке расследования рабселькорских заметок от 28 августа 1928 года разъяснял: “Фамилии рабселькоров при запросах сообщаться ни в коем случае не должны” [5].

Мы не хотим отрицать определенной вынужденности применения рабселькорами псевдонимов. Встречались случаи мести за вполне праведные выступления в печати. Приведем пример из истории Лысогорской волости Тамбовского уезда. Председатель Челнавско-Покровского сельсовета, член партии Андрей Коняхин и его брат секретарь парткома Полуэкт якобы преследовали селькора Фому Гладышева, который изобличил в газете “Беднота” этих братьев в растрате общественного имущества и убийстве. Братья Коняхины били Ф.Гладышева, обвиняли его в бандитизме, контрреволюции, арестовывали, списывали имущество на сельхозналог, лишали избирательных прав. Когда возникло дело о преследовании, то Коняхины через подставных лиц подговорили другого селькора комсомольца Василия Гладышева написать в “Бедноту” заведомо ложное письмо про Фому Гладышева, будто он поддерживает кулаков и является главарем бандитской шайки. Следствие тянулось два года и в результате Коняхины и В.Гладышев были осуждены [1. Д. 38. Л. 32]. Несмотря на видимость счастливого конца данной истории, сегодня мы не можем не сомневаться в справедливости решения суда. Не только потому, что знаем особенности советского судопроизводства, но и потому, что обвинили В.Гладышева и Коняхиных за клевету, а не за преступления, инкриминируемые им Фомой Гладышевым.

Обратим внимание на другое: на огромную роль печатного слова в советском обществе 1920-х годов. Газета могла круто повернуть судьбу каждого человека. Причем партийный или комсомольский билет отнюдь не являлся индульгенцией. В этих условиях опубликованная анонимка превращалась в опасное оружие.

Псевдонимы сопутствовали “трусам” плагиаторов. Этичным считалось указание в заметке фамилии изнасилованной, хотя сам автор предпочитал остаться неизвестным [4. Д. 1151. Л. 68]. Псевдонимы прикрывали выдуманные факты, элементарную клевету. В 1925 году Липецкий уком РКП(б), например, после проверки изложенных в заметках селькором фактов вынужден был признать ложными большинство из них [6. Д. 2762. Л. 102]. В 1927 году прокуратура Кирсановского уезда признала 40% заметок местных рабселькоров ложными [7]. Журнал “Тамбовская рабселькория” вел на своих страницах специальную рубрику “Сор в наших рядах”. И недостатка в материалах для нее не испытывал. Типичные заголовки: “Про других пишет, а сам”, “Селькор-хулиган”, “Рабкор-халтурист”. Такой же критичной была воронежская “Газета рабселькора”. Но никто не даст гарантии, что и материалы, критиковавшие рабселькоров, соответствовали истине. Ведь они тоже были подписаны псевдонимами.

Особой экстравагантностью отличались комсомольские псевдонимы: Дурачок, Идиот, 217-107=110, Облако над лесом, Красавица Розита, Дядя Дуня, Мери Пикфорд, Таинственный остров. В отличие от содержания заметок подобный псевдоним гарантировал читательское внимание. Прикрываясь псевдонимами, юные авторы легко могли оскорбить неугодных героев своих материалов, высмеять их чувства. А ведь в условиях полуграмотной нэповской России поведение журналиста, даже внештатного, было своеобразным эталоном нравственности. И не только для членов коммунистических организаций. Примечательно, что в архивном фонде редакции “Тамбовской правды” за 1929 год сохранилось письмо со стихотворной сказкой “Соха, Плуг и Трактор”, которую написал служитель Кафедрального собора, тоже убедительно просящий редакцию не разглашать тайну его псевдонима “Церковник” [2. Д. 72. Л. 22-23].

Стремление к доноситељству прослеживается и по вопросам, задаваемым рабселькорами на губернских и уездных совещаниях: “Можно ли и перед редколлегией не разглашать тайну псевдонима?”, “Можно ли писать в газету на родственников?”, “Как будет поощряться наша политическая бдительность?” [1. Д. 38. Л. 26,29].

Сами докладчики признавали формирование в массах негативного образа рабселькора. В ноябре 1926 года на Тамбовском уездном совещании докладчик говорил: “На селькора и стенкора в большинстве случаев смотрят как на кляузника и склочника”. При этом признавалось, что “немало рабселькоров с уголовным прошлым и настоящим” [1. Д. 38. Л. 27 об., 31 об.].

В мае 1927 года Народный комиссариат юстиции РСФСР издал специальный циркуляр о порядке привлечения к уголовной ответственности рабселькоров. Наркомюст предостерегал от “ненужного дёрганья” рабселькоров. Предписывалось при отсутствии явных признаков преступления не давать делу хода, оплачивать расходы районных судов за счет возбужденного необоснованное обвинение [1. Д. 2. Л. 86]. При губернских контрольных комиссиях создавались специальные комиссии по наблюдению за прохождением дел о преследовании рабселькоров [1. Д. 2. Л. 15].

Власти осознавали, что рабселькоров можно эффективно использовать как дополнительные глаза и уши режима. Поэтому старались продемонстрировать свое покровительство рабселькоровскому движению.

Активность юных корреспондентов стимулировалась предоставлением им мест в рабфаках (за редакциями закреплялось определенное количество мест). Как правило, отказывали в данной льготе именно на основании “малой активности” [1. Д. 2. Л. 310].

В пропаганде резко преувеличивалось количество случаев мести внештатным корреспондентам. Так, на I съезде рабселькоров Тамбовской губернии было объявлено, что преследованиям подверглось 15 делегатов [2. Д. 37. Л. 4]. А анализ сохранившихся анкет делегатов показал, что лишь двое из них указали случаи действительных преследований (как и в случае с Ф.Гладышевым самими властями). Другие лишь сообщили о доходивших до них слухах об угрозах односельчан [2. Д. 37. Л. 73-84]. Типична запись в анкете комсомольца В. Герасимова: “Грозили: “Вот, мол, избыем, тогда будешь знать, как писать”, но так и не избili” [2. Д. 37. Л. 69]. Действительные и мнимые преследования рабселькоров успешно “работали” на тезис об обострении классовой борьбы. И поэтому власти сами “сгущали краски”, описывая опасности работы внештатных корреспондентов. В конце десятилетия редакции областных и окружных газет застраховали своих рабселькоров от несчастных случаев [2. Д. 18. Л. 3]. “Кирсановская коммуна” писала 18 октября 1929 года: “Наш селькор – это человек, который постоянно рискует жизнью, борясь с врагами трудящихся”. Ржаксинский райком партии в ноябре 1929 года призывал коммунистов и комсомольцев “объявить самую решительную борьбу всем видам и формам преследования селькоров и принять жесткие меры к тем, кто пытается мешать их работе и развертывать самокритику в стенгазетах” [2. Д. 70. Л. 6].

Для многих активистов быть рабселькором означало находиться на передовой фронта классовой борьбы. Рабселькоровская деятельность была окружена ореолом романтики, риска. Неслучайно в воспоминаниях ветеранов стандартной стала фраза “Перо приравняли к штыку”. Они с гордостью вспоминали о своих “разоблачениях”.

История рабселькоровского движения еще раз убеждает, что “искатели врагов” неминуемо приходили к поискам классовых противников в собственных рядах. В конце 1920-х годов политические лозунги рабселькоровского движения “Ближе к своему классу”, “Печать может делаться только чистыми руками”, “Лицом к производству” были заменены формулировкой “Каждый работник печати и каждая организация... отвечают за чистоту классовой линии того органа печати, в котором и с каким связаны” [2. Д. 18. Л. 32]. На рабселькоровских съездах ставились задачи “объявить решительную борьбу с засоренностью корреспондентских рядов и попыткам проникнуть в них чуждые элементы”, “очиститься от мусора” и т.п. [2. Д. 70. Л. 6. Д. 18. Л. 33].

Областной комитет партии ЦЧО был озабочен аполитичностью комсомольских стенных газет: “Большинство стенгазет не разъяснило массам на конкретных фактах сущности и корней правого уклона, примиренчество “левых” загибов” [8. С. 210]. Унифицировав печатное слово, партия требовала полного послушания и от малой пе-

чати. Выпуск стенгазет должен был осуществляться в строгом соответствии с утвержденными парткомами планами. Номера стенгазет разрешалось вывешивать только с санкции парткомов или их представителей.

Таким образом, малая печать и все более разрастающаяся армия провинциальных внештатных корреспондентов уже в 1920-е годы прочно вошли в систему политического контроля советского государства. Вольно или невольно рабочие и сельские корреспонденты стали одним из «глаз и ушей режима», как метко назвал советские органы политического контроля петербургский исследователь В. С. Измозик.

Список литературы

1. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1500. Оп. 1.
2. ГАТО. Ф. Р-1499. Оп. 1.
3. Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 837. Оп. 1.
4. ЦДНИТО. Ф. 1205. Оп. 1.
5. Коммуна. 1929. 30 мая.
6. ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1.
7. Тамбовская рабселькория. 1927. №1. 5 декабря.
8. Материалы к отчету обкома ВКП(б) ЦЧО на II областной партийной конференции. Воронеж, 1930.

“Rabselkor” Movement: Unknown Facts

A.A. Slezin

Department of History and Philosophy, TSTU

Key words and phrases: “rabselkor”; criticism; pseudonym; anonymous letter; denunciation; wallpaper.

Abstract: Functions of city and village correspondents movement of 1920s as the institution of political control are revealed.

“Rabselkorische” Bewegung: unbekannte Grenze

Zusammenfassung: Im Artikel werden die Funktionen der Bewegung der Arbeiter- und Landskorrespondente der 1920-er Jahre als Institution der politischen Kontrolle aufgedeckt.

Mouvement des “Rabselkors”: aspect inconnu

Résumé: Dans l'article on démontre les fonctions du mouvement des correspondants issus des ouvriers et des paysans dans les années 20 comme une institution du contrôle politique.